

ЛУЧШИЕ ПЕРЕВОДЫ
И КОММЕНТАРИИ

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАЙЯТ

В ПЕРЕВОДАХ ВЕЛИКИХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Лучшие переводы и комментарии

Омар Хайям

**Рубайат в переводах
великих русских поэтов**

«АСТ»

УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)9-5

Хайям О.

Рубайат в переводах великих русских поэтов / О. Хайям —
«АСТ», — (Лучшие переводы и комментарии)

ISBN 978-5-17-104730-6

Знаменитые рубаи философа, математика, астронома и классика персидско-таджикской поэзии Омара Хайяма переводятся на русский язык уже более ста лет. Многие из этих переводов сами стали классикой. Антологический срез, по которому возможно отследить трансформацию подхода к переводам текстов Омара Хайяма: начиная от крайне светского (вольного) переложения, заканчивая обнажением суфийских смыслов, ибо поэт был суфием, и переводы (прочтение смыслов) возможны только в этой парадигме. В сборник, который вы держите в руках, вошли рубаи, переведенные великими русскими поэтами XIX – начала XX вв.

УДК 821.222.1-1

ББК 84(0)9-5

ISBN 978-5-17-104730-6

© Хайям О.

© АСТ

Содержание

Василий Львович Величко	6
Петр Федорович Порфиоров	21
Сергей Игнатъевич Уманец	24
Т. Лебединский	26
К. Герра	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Омар Хайям

Рубайат в переводах

великих русских поэтов

В качестве иллюстраций в книге использованы рисунки английского художника-графика Эдмунда Салливана (1869–1933), который впервые проиллюстрировал Рубайат в 1913 г.

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Василий Львович Величко

(1860–1904), русский поэт, публицист, драматург, переводчик, потомок знаменитого запорожского летописца Самуила Величко (1670–1728), составителя «Летописи событий в Юго-Западной России в XVIII веке». В.Л. Величко – первый русский переводчик Омара Хайяма.

* * *

Умерь желания и жажду бранных благ,
Коль счастья хочешь ты; сумей порвать оковы,
Которыми тебя опутал свет суровый,
С земным добром иль злом связав твой каждый шаг...
Живи, довольный всем: спокойное движенье
Сияющих небес прерваться не должно,
А нашей жизни суждено
Исчезнуть в вечности, блеснувши на мгновенье...

* * *

Безумцы в мире есть, которых самомненье
Во мрак надменности и чванства завело;
Иных влечет мечта о райском наслажденьи,
О замках, где всегда прохладно и светло,
Где гурии нежней и краше роз Востока...
Безумцы! Как они обманутся жестоко!
Аллах! Настанет день – и с тайны бытия
Завесу темную сорвет рука Твоя,
И обнаружится, что все они упали
Далеко от Тебя, во мглу безбрежной дали...

* * *

О, бойся тело отдавать
На пищу горю и страданьям,
Томясь слепым любостяжаньем,
Пред белым серебром сияньем,
Пред желтым златом трепетать!
Спешь с друзьями пировать,
Пока веселья час не минет
И теплый вздох твой не остынет:
Твои враги на пир тогда

Придут, как хищная орда!..

* * *

Счастливо сердце того, кто в жизни прошел неизвестный,
Шелковых тканей не знал и пряжи волнистой Кашмира,
Кто, словно птица Симуург, вознесся к лазури небесной,
А не гнезвился совой в развалинах этого мира...

* * *

Достойней, чем весь мир возделать, заселить —
В одной душе людской печали утолить,
И лаской одного в неволю заковать —
Чем тысяче рабов свободу даровать!

* * *

Я непокорный раб... Где ж воля, власть Твоя?!
Душа моя черна, объята мглой порока...
Где ж свет дающее, Всевидящее око?!
О, если Ты нам рай, Всесильный наш судья,
Даешь за то, что мы блюдем Твои веленья,
Ты выполняешь долг – и больше ничего!
Где ж милосердие, свет лика Твоего,
Куда ж девается Твое благоволение?!

* * *

Скажи, ты знаешь ли, за что в устах народных
Лилея, кипарис названье «благородных»
Стяжали с давних пор?
Для люда грешного их воздержанье – диво:
Ей десять языков дано – и молчалива!
А у него сто рук – и он их не простер!..

* * *

Коль знаменит ты в городе – ты «Худший из людей»!
Коль ты забьешься в угол свой – ты «Вредный чародей»!..
Святым ли будь, пророком ли – разумнее всего
Здесь быть для всех невидимым, не видеть никого!..

* * *

Зла речь твоя, мулла, и ненависть – ей мать!
Ты все зовешь меня безбожником, неверным...
Ты прав, я уличен! Я предан всяким сквернам,
Но... Будь же справедлив: тебе ли обвинять?!

* * *

Никто на свете не проник
В начала вечного тайник;
Не мог никто ступить ни шагу
За грани личного мирка!
Я вижу: от ученика
До тех, кто нас ведет ко благу,
Несовершенно все и вся, —
Все то, что матерью зачато, —
Несовершенства яд нося
От дней рассветных до заката!..

* * *

О друг, будь весел и беспечен!
День скорби будет бесконечен —
И в сочетанье роковом,
Сойдясь на небе голубом,
Светила встретятся лучами,
Твой прах землю, кирпичами
Мгновенно стане, и из них
Дворцы построят для других.

* * *

Нет в суетной любви могучего сиянья:
Как пламя зыбкое в минуту угасанья,

Она не может дать живящего тепла!
Ее наследие – холодная зола!
Но кто божественной любовью пылает, —
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тот не знает!
В сияньи радостном взойдет ли яркий день
Иль мир окутает чадрую ночи тень,
Несутся ль месяцы, года чредой крылатой —
Все призрак для души, любовью объятай!..

* * *

Назначьте свиданье, друзья:
Когда под землей буду я,
Сойдитесь в условленном месте!
Завету верны моему,
Возрадуйтесь сердцем тому,
Что дружно пируете вместе!..

Когда ж виночерпий молодой
К вам с чашей войдет круговой,
Рубины заблещут огнями
В живительном старом вине, —
Пусть каждый, вздохнувши по мне,
Пьет в память о бедном Хайяме!..

* * *

В могилах спящие земле возвращены,
Частицы праха их рассеяны повсюду, —
Рассеяны, как пыль!.. Какому ж злему чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?!
Какой напиток их так держит в опьяненьи,
В неведеньи всего, в тревогах и сомненьи,
И будет омрачать рассудок их всегда,
До дня последнего суда?!

* * *

О друг! Зачем пещись о тайнах бытия,
В безумии желать того, что невозможно?!
Мечтой бесплодною охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачем душа твоя?!

Будь счастлив, веселись: при сотвореньи света
Никто ведь у тебя не спрашивал совета!..

* * *

Однажды ночью в тихом сне
Мудрец явился мне
И нежным голосом участия
Поведал: «Роза счастья
Во сне не может расцветать!..
Чем смерти подражать,
Вина хлебни-ка: под землюю
Наспишься в час покоя!..»

* * *

То сокровенен Ты, невидим никому,
То открываешься в твореньях, как зиждитель...
О! Нет сомнения! Себе лишь самому
В утеху Ты творишь созданий чудных тьму:
Ты – сущность зрелища и сам Ты – зритель!

* * *

Дворец, где с чашею в руках
Любил сидеть Бехрам могучий, —
Исчез, рассыпался во прах!
Где все цвело, – песок сыпучий!

И там пугливая газель
Своих детенышей приводит,
Теперь там лев порой находит
Неприхотливую постель!..

А где ж великий из великих,
Бехрам, суровый полубог,
Что ловко так онагров диких,
Степных ослов арканить мог?!

Где ж царь Бехрам, весь – блеск и сила?! —
Его, как дикого осла,
Неумолимая могила

На свой аркан взяла!..

* * *

Убаюкан тщетною надеждой,
Разметал я на ветер полжизни,
Но и дня безоблачного счастья
Не познал в земной своей отчизне.

И теперь живу под гнетом страха:
Я боюсь, что время, время злое
Уловить мне случай помешает, —
Увенчать наградой хоть бывшее...

* * *

Вчера на площади базарной видел я,
Как глину вязкую горшечник мял ногами;
С его усердья пот катился в три ручья...
И этот мертвый прах незримыми устами,
Казалось мне, шептал: «Я ближним был твоим!
Стыдись! Не будь так груб и так неумолим!..»

* * *

Хоть жемчуг должного Тебе повиненья
Я не нанизывал на нити поведенья
И сердца не влачил я в прахе ног Твоих, —
Я чужд отчаянья – и верю: будет миг, —
Приду к подножию Божественного трона —
И буду принят я на милосердья лоно,
И буду мил Тебе: ведь я всю жизнь молчал!
Ведь жалобами я Тебе не докучал!..

* * *

Непобедимую в нас поселил Ты страсть, —
Но Ты же не велишь отдаться ей во власть! —
И бедный род людской в большом недоуменье:
Твой дар, приказ Твой – страсть!

Твое ж и запрещенье!
Ты словно повелел нам чашу наклонить, —
Из содержимого ж – ни капли не пролить!..

* * *

Жалкая страсть человека – подобна собаке цепной:
Крик ее – лай непристойный, докучный, без всякого толка!
Лисья таится в ней хитрость... Дает она мнимый покой,
Зайца обманчивый сон... Сочетались, слились в ней одной
Бешенство лютого тигра и жадность голодного волка!..

* * *

Когда бы ясно тайны жизни
Постигло сердце человека, —
Оно б и тайны смерти знало,
Нам недоступные от века!

И если ты – слепой невежда
Теперь, когда ты «сам с собою»
И с миром видимым, и с жизнью
Не разлучен еще судьбою, —

То что ж, когда «себя покинешь»
И жалкий прах в земле истлеет, —
О, что ж тогда твой дух бесплотный,
Безличный дух уразумеет?!

* * *

Расцвела сегодня пышно
Роза счастья твоего!
Где же чаша? Чаши в руку
Не берешь ты отчего?!

Время – враг наш беспощадный!
Друг мой милый, пей вино:
День отрадней, как сегодня,
Снова встретил... мудрено!

* * *

Я целый век вину хвалебный гимн пою.
Веселия лозой обвил я жизнь свою!
О доблестный ханжа! Будь счастлив убежденьем,
Что мудрости самой ты внемлешь поученьям, —
Но знай, по крайности, что мудрость, ментор твой, —
Ничтожный школьник предо мной!

* * *

Подобье караван-сарая, —
Наш мир, в котором тьма ночная
Попеременно с днем гостит, —
Остаток пира исполинов,
Объедки сотни властелинов
Гостеприимных, как Джемшид!
Наш мир – гигантская могила,
Что ложем смерти послужила
Могучим, грозным ста царям,
Неустрасимым, как Бехрам!..

* * *

Мне лучше быть с Тобой в вертепе, в кабаке
И помышленьями заветными делиться,
Чем без Тебя, мой Бог, идти в мечеть молиться
Без пламени в душе, но с четками в руке!..

Да! Сотворивший все, что было, есть и будет!
Чтоб ни было со мной, но знай: так верю я, —
Введет ли в рай за то рука Твоя,
Иль на сожжение в аду меня осудит!..

* * *

Подобно соколу мой дух, расправив крылья,
Из мира чудных тайн стрелою полетел, —
Умчаться в высший мир хотел —
И что ж?! Упал сюда, – в мир праха и бессилья!..

Не встретив никого, кому души тайник
До сокровеннейших извилин
Открыть бы мог любя, – печален и бессилен,
Я выйду в ту же дверь, в которую проник!..

* * *

К чему, когда осуществленья
Желаньям нашим не дано
И все заранее судьбой предрешено, —
К чему все замыслы, усилья и стремленья?!
Мы вечно мучимся, влачась в земной пыли,
И сожалением все растрavляем рану,
Со вздохом говоря: «Ах, поздно мы пришли!
Уйти придется слишком рано!..»

* * *

Добросовестных и умных
Уважай и посещай —
И подальше, без оглядки
От невежды убегай!

Если яд мудрец предложит, —
Не смущайся, смело пей!
Даст глупец противоядь, —
Вылей на землю скорей!

* * *

О, если я проник в храм твоего доверья, —
То слушай: дам тебе спасительный совет!
Любовию к Тому, в чьей власти мрак и свет,
Молю: не надевай одежды лицемерья,
Плаща ханжи не надевай!
Чрез миг наш бранный мир исчезнет в бесконечности!
Лишь вечность – без конца! Пойми ж: не продавай
За краткий миг все царство вечности!..

* * *

Есть в небе бык Первин, – созвездие Плеяд,
А на рога другой взял землю, говорят...
Открой же взор души, открой глаза сознания,
Как те, сподобился кто истинного знания, —
И посмотри-ка там, меж этих двух быков,
Какое множество... ослов!..

* * *

Чье сердце благодати лучом озарено,
Невидимым лучом невидимого Бога, —
Где б ни был сердца храм, – мечеть иль синагога,
Где б ни молился тот, чье имя внесено
В скрижали истины, в любви святую книгу, —
Он чужд волнения, он недоступен игу,
И не страшит его кромешный жгучий ад,
И не пленяет рай, исполненный услад!..

* * *

Ты словно опьянен, безумие твое
Невежественный страх предсмертию внушает —
И с отвращеньем ты глядишь в небытие!
Ведь из небытия чудесно возникает
Бессмертья ветвь, полна живительной красоты!
И вечной смерти нет, исчезло наважденье
С тех пор, как в душу мне отрадой возрожденья
Пахнуло нежное дыхание Исы.

* * *

Облегчи в бедном сердце мучительный гнет,
Треволнений мирских и забот;
От недоброго взора людского укрой
Все, в чем грешен бывал я порой!
На сегодня дай светлого счастья струю —
А на завтра себя предаю
Я, мой Бог, в милосердную руку Твою.

* * *

Открой мне дверь: открыть ее
Здесь может, Боже, лишь твое
Чудесно-властное веленье!
Дай путь сознанию моему:
Ты открываешь путь спасенья!
Руки не дам я никому
Из тех, поднять кто пожелает
Меня из праха суеты.
Всех смерть и тленье ожидает,
Бессмертен, вечен только ты!..

* * *

В кумирне, в медресе, во храме, в синагоге
Боятся ада все и рая страстно ждут.
Возникнуть не могло зерно такой тревоги
Лишь в сердце у того, кем правит разум строгий,
В ком тайны Вышнего нашли себе приют.

* * *

Доколе жизнь ты будешь посвящать
Гордыне суетной и самообожанью?
Иль одержим большим стремленьем к познанию,
Причин небытия и бытия искать?

Пей светлое вино! Ту жизнь, что чрез мгновенье
Прервать готова смерть, идущая вослед,
Любить иль понимать не стоит. Цели нет!
И лучше жизнь влачить во сне иль в опьяненьи!

* * *

Моя возлюбленная вновь
Дарит мне прежнюю любовь!
Дай Бог, чтоб дни ее сияли
Так долго, как мои печали!..

Единым нежным обожгла
Мгновенным взором – и ушла,
Оставив счастья обаянье...
О, верно, думала она —
Свершив добро, душа сильна,
Когда не ищет воздаянья!

* * *

Надменным небесам брось вызов горстью пыли.
И в том, чтобы тебя красавицы любили,
Миг счастья лови, ищи его в вине!
О чем тебе молить и в чем просить прощенья?
Вернулся ль хоть один – один, как исключенье
Из всех, исчезнувших в неведомой стране?

* * *

Над розами еще проходят облака,
Окутывают их фатой прозрачной тени.
Все жажду сердцем я волшебных опьянений...
Не отходи ко сну; не пробил час пока!
О, пей, душа моя! В вине сверкает пламя.
И залит небосвод багряными лучами...

* * *

Не спрашивай меня о том, что так превратно,
О прошлом, будущем... Жизнь – ветра дуновенье.
Считай добычею бегущее мгновенье —
К чему заботиться о том, что невозвратно?

* * *

Ну да, я пью вино! И кто не слеп умом,
Кто истину, как я, уразумеет,
О, тот поймет, что перед божеством
Поступок мой значенья не имеет.
Аллах от века знал, он знал давным-давно,

Что мне, рабу его, придется пить вино!
Его лишь оскорбить я мог бы воздержаньем —
Его предвиденье явилось бы незнаньем...

* * *

Ныне в безумстве любви, в безумном, безмерном волненьи
Разум утратили мы – и тонем, горим в опьяненьи,
Служим святыне вина в кумирне заветной своей!
Ныне, сейчас, через миг, с восторженно-сладкою дрожью
Прах бытия отряхнув – как дух, вознесем к подножью
Трона, где вечность царит в сияньи нетленных лучей...

* * *

О, друг! Зачем пещись о тайнах бытия,
В безумии желать того, что невозможно?
Мечтой бесплодную охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачем душа твоя?
Будь счастлив, веселись! При сотвореньи света
Никто ведь у тебя не спрашивал совета.

* * *

Пусть колесо судьбы мне мира не дает —
Ну что же! Я готов сейчас идти войною!
Пусть доброй славою бессмысленный народ
Меня не наградил – позор зато со мною.
Все прочее – слова!
Вот кубок, и в вине горит рубина пламень —
Ведь у непьющего найдется голова,
А у меня найдется – камень...

* * *

Узор изменчивый загадочной природы
Ты разъяснить просил. И тайны бытия.
Но чтобы правду всю поведать, нужны годы —
И буду краток я.
Наш мир – что марево. Чудесную картинку

Подъемлет лоно вод. И, зыблясь, как туман,
Через миг опять она падет в свою пучину,
В бездонный океан.

* * *

Хайям, Хайям! Твой жалкий прах
Подобен трепетной палатке.
В ней дух царит как падишах,
Но дни его царенья кратки.
Они ведут к небытию,
Его последнему приюту.
Едва успеет он свою
Палатку бросить, – через минуту
Ферраши смерти прибегут
И все разрушат, все сорвут,
Чтоб средь песков пути иного
Создать разрушенное снова.

* * *

Волшебный миг настал: природу, встав от сна,
Всю в зелень облечет красавица весна,
Душистые цветы повсюду щедро сея;
И, ослепительней десницы Моисея,
Заблещет на ветвях цветущих красота!
Как бы воскрешены дыханием Христа,
С земного лона в высь потянутся растенья,
Зазыблются они под лаской ветерка,
И очи в небесах откроют облака,
И наземь истекут слезами умиленья...

* * *

О сердце, если сбросишь ты
Оковы скорбной суеты,
Печали, с прахом сочетанной, —
Как чистый дух, покинув прах,
Парить ты будешь в небесах,
Среди лазури звездотканой!
О, как ты мучиться должно
Позора мукой непрестанной, —

Что на земле, как гость незванный,
Ты прозябать обречено!..

Петр Федорович Порфи́ров

(1869–1903), русский поэт, переводчик и издатель. Выходец из семьи чухломского крестьянина, юрист по образованию. В 1894 году в журналах «Труд» (т. XXIV, № 11) и «Северный вестник» (Отдел первый. № 7–8) Порфи́ров публиковал переводы рубаи Омара Хайяма.

* * *

Где прежде замок высился надменно
До самых облаков,
Куда в чертоги шли цари смиренно
С покорностью рабов,
Я видел: горлица нахохлившись сидела
И, нарушая сон,
Кричала, словно вымолвить хотела:
Где он? Где он?

* * *

В пышном зданьи жизни брэнной
Пей вино, пока живешь.
Для того, мудрец смиренный,
Чтобы, если ты умрешь,
Пыль разрушенного тела
При дыханье ветерка
В упоеньи долетела
До порога кабака.

* * *

Моя любовь к тебе достигла совершенства,
И как прекрасна ты, владычица моя!
Как сердце полно слов! Но в трепете блаженства
Язык мой бедный нем. Не странно ль, о друзья,
Томлюсь я жаждою, безмолвный и печальный,
А предо мной река шумит волной кристальной.

* * *

О Боже, смилуйся над сердцем, что в плену,

Над грудью смилуйся, что терпит муки ад.
Прости моим ногам, что к кабаку спешат,
Прости моим рукам, что тянутся к вину.

* * *

Пью разноцветное вино
И слышу я то здесь, то там:
«Не пей вина, не пей Хайям,
Ведь враг религии оно!»
О, если так, я вам клянусь,
О, если веры враг вино —
Я кровью вражеской упьюсь,
Так по закону быть должно!

* * *

Скажи, ты знаешь ли, зачем петух дворовый
С рассветом дня, с зарею новой
Горланит часто, каждый миг?
И отчего печален этот крик?
Петух кричит тебе, что в зеркале рассвета
Ночь уходящую его завидел взор,
Что безвозвратна полночь эта,
А ты – такой же все невежда до сих пор.

* * *

Уж лучше пить и красотой
Тюльпаноликих наслаждаться,
Чем лицемерным быть ханжой
И в благочестьи упражняться.
Ведь, если скажешь, в ад пойдет
И упоенный и влюбленный,
То в рай уже никто рожденный,
Никто из смертных не войдет.

* * *

Хоть Коран и почитают
Откровением святым,

Но не все его читают,
И не все знакомы с ним.
А вот есть слова на чаше,
Что сплелися в ясный стих, —
За пирушкой взоры ваши
Каждый раз читают их.

Сергей Игнатьевич Уманец

Малоизвестный русский поэт и переводчик. В 1901 году в журнале «Кавказский вестник» (книга XVI, № 4) он опубликовал стихотворные переводы рубаи Омара Хайяма, перевод одного рубаи в прозе и статью, в которой приводятся краткие биографические данные об Омаре Хайяме и анализ его поэтического наследия.

* * *

О мудрый суфий, в добродетель
Ты с головы до ног одет,
Но ведь никто – Аллах свидетель —
Твоей наукой не согрет!
Своей ты мудростью сверкаешь
Перед толпой учеников,
Но что ж ты понял, что ты знаешь
Средь мрака жизненных оков?
Туманных басен нить гнилую
Ты нам с отвагою плетешь,
Но час пробьет – и в ночь глухую
Небытия ты отойдешь...
Но мне ль перед тобой хвалиться?
Смысл жизни мне ли разгадать,
И мне ль премудростью кичиться,
И мне ль советы подавать?!
Зачем живем – не знаем сами,
Мы бродим в мире, как слепцы...
Зачем? Не объяснят словами
Вам никакие мудрецы!

* * *

Предвечной волею Аллаха
Твой каждый предначертан шаг!
Ты без нее – и сир, и наг,
Ты без нее – соринка праха!

Как ни борися – сила рока
Тебя туда-сюда влечет;
То вдруг задержит твой полет,
То вдруг подымет вмиг высоко!

Но если так, почто Аллахом
Караем каждый грешный час?

Зачем муллы пугают нас
Мучений ада диким страхом?

* * *

Не сохни, бедный богослов,
Нам изучением основ
Мятежных ересей ислама.

Они утечи не дадут!
А с чаркой весело живут
Потомки праотца Адама!

Порог трактира, как метлой,
Своей частенько бородой
Я, в опьянении, подметаю!

На мир смотрю премудро я
Как на мгновенье бытия —
И сладко с чашей засыпаю!

Т. Лебединский

Малоизвестный русский писатель и переводчик. В 1901 году в еженедельнике «Семья» (№ 23) он опубликовал статью о жизни и творчестве Омара Хайяма, в которой представил его как поэта-мистика, последователя суфизма.

* * *

Веселись же, мой друг; в этом мире не век
Будем жить и томиться разлукой,
Этот мир, к счастью – миг, а затем человек
Распростится навек с своей мукой.

К. Герра

Псевдоним (по фамилии своей матери, итальянской балерины) известного поэта, музыкального критика и врача Константина Митрофановича Мазурина (1866–1927), выходя из известной меценатской московской семьи, состоявшей в родстве со знаменитыми меценатами Третьяковыми. Константин Герра-Мазурин автор нескольких сборников стихов, трудов по теории обучения музыке и книг по медицине. В 1901 году он издал в Москве книгу «Строфы Ниразума. Вольный перевод». В предисловии автор пояснял, что он сделал перевод рукописи неизвестного восточного поэта-суфия, жившего в Хорасане в X веке. Сразу после выхода книги мистификация Мазурина – Ниразума была раскрыта, и переводы Герра вошли в коллекцию русских переводов Омара Хайяма. Умер Герра-Мазурин в эмиграции, в Италии, на родине своей матери.

* * *

Переживая дни мученья и печали,
Мы в мире, что ты дал, все временно гостим
И, не узнав того, чего бы знать желали,
Мы из него уйти, хоть нехотя, спешим.
Так кто же разрешит мое недоуменье,
Зачем я создан был, как всякое растение,
Зачем я мучился, смеялся и страдал,
Любил, надеялся, чудес каких-то ждал,
Стремился проникать в смысл дивного творенья,
И веру в истину бесчисленно терял,
И творчество твое признал за заблужденье,
И самого тебя всем сердцем осуждал?!..

* * *

Товарищ, приходи! Оставь свою заботу,
Налей из кувшина янтарное вино!
Приди, развеселит с тобою нас оно,
Отнимет, наконец, оно у нас охоту
Трудиться мыслию над вечною загадкой.
Я на ухо скажу тебе тогда украдкой:
«Пей, больше пей вина, товарищ по несчастью,
Недолог срок, когда смешаемся с землей;
Лишенные забот, житейского участия,
Мы обратимся в прах, товарищ мой, с тобой...
И вылепят из нас кувшины, статуэтки
И разных петушков, собачек, лошадей,
И будут хохотать над ними наши детки,
Ломать их и играть... ну, а пока налей!..»

* * *

Ты опасешься любви и увлечений,
Развратом мне не раз ты чувство называл,
Но сам ты, человек, как много преступлений
С расчетом, день за днем, в сей жизни совершал!..
О, если мне Аллах когда-нибудь прикажет
Забыть, что есть во мне душа, чтоб жизнь любить,
Пусть он меня тогда, как вздумает, накажет,
Но никому меня ничем не убедить,
Что созданное им достойно лишь презренья,
Что чувства все души должны мы подавить!..
Мне нужно на земле вседневно утешенье:
Надеяться я должен, и верить, и любить!..

* * *

Сидел я за вином, мечтал и, увлекаясь,
Я думал: «Нирузам, ты истинный поэт!
Пускай тебя всю жизнь клянет, хоть надсаждаясь,
Не только злейший враг, но даже целый свет!»
Но голос вдруг сказал: «Напрасно увлечение,
Ты вовсе не готов для истинной борьбы...
Что также ты – поэт, о, в этом нет сомненья,
Но ведь поэты здесь роятся, как грибы!..»

* * *

Любить своих врагов ты мне повелеваешь?
Любить своих врагов стараюсь я давно,
Что ж делать, если их любить нам всем должно!
По мере сил любить стараюсь их и я,
Но, Боже, на иной ты грех меня толкаешь:
Не будут ли тогда завидовать друзья?..

* * *

Не думай, что врагам завластвовать над нами,
Но бойся, Нирузам, как зла, своих друзей!

Когда твои друзья к тебе придут врагами,
То будут из врагов – враги-друзья сильней.
Не верь любовнице, не расточай ей клятвы,
Она, как жнец, сидит над зреющим снопом
И, глядя пышный хлеб, ждет только время жатвы,
Чтоб срезать, наконец, отточенным серпом.
Ах, бойся, Нирузам, и своего желанья —
Желанья редко нас ведут к преддверью блага,
И не поможет нам ни сила, ни отвага,
Чтоб выбраться опять из пропасти страданья.
Эй, мальчик, дай вина, хочу забыть тревогу,
Хочу залить любовь, хочу залить мечту!
Какую б на земле ни выбрал кто дорогу,
Он выберет всегда ненужную, не ту!..

* * *

Сегодня грустно мне, – и яства за обедом
Насытить не могли желанья души...
Эй, мальчик, вновь вина! налей и заглуши
Тот голос, что тебе по младости неведом.
Но ты поймешь потом, оставшись стариком,
Всепонимающим, больным и нелюдимым,
Что выше блага нет для смертного ни в чем,
Как глупость, чтоб любить, и счастье – быть любимым.

* * *

Учитель, ты знаешь, бывает как трудно
Учить дураков, но бывает трудней
Учить молодежь (ведь она всех умней!) —
Тогда-то становится тошно и нудно...
Уча, ты в науку сам глубже вникаешь —
К стыду своему сознаешь, замечаешь,
Что многого сам ты, премудрый, не знаешь!

* * *

Если б богом я был, я бы ночью и днем
Заставлял бы вино падать с неба дождем,
Если б богом я был, то мой ветер полевой
В мир бы дул ароматом фиалки лесной;

Если б богом я был, настоящим, могучим,
Я перины пушистые сладил бы к тучам,
Чтоб могли на них люди, баюкаясь, спать,
От предела к пределу вселенной летать.
Если б богом когда-нибудь раньше я был,
Ни за что б я вселенную так не творил,
А тем паче в нее дураков не вводил...

* * *

Заря встает. Встаю и, покидая ложе,
Гляжу на светлый день, он мне всего дороже!
Пусть струны под рукой привычное звенят,
И услаждают слух, и чувства окрыляют,
Жизнь не вернется к тем, в земле что ныне спят,
Могилы их к друзьям опять не возвращают.
О ты, всезнающий, что скрыто в глубине,
На дне души людей, на дне земных могил,
Приди и облегчи, хотя б в последнем дне,
Возможность жизнь любить, как в детстве я любил!..
Дай силы перенести мои переживанья
И, отрешив мой ум от суеты земной,
Дай до последних дней, до часа воздыханья,
Беседовать с тобой, а там... приди за мной!..

* * *

Свои грехи припоминая,
Я удручен, молчу, скорблю,
Хотя лишь истину люблю —
Я ложь и правду совмещаю.
Когда ж раскаянье сжигает
Мне душу – ум тогда твердит:
Коль раб ошибку не скрывает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.